Глава 8

Он почувствовал, как в его венах вспыхнул страх и ужас, и он наполнил его нескрываемой силой. Лезвие пронзило его кожу холодным прикосновением к ожиданию смерти, его горячая кровь стекала по его металлической поверхности. Он почувствовал тяжесть тела на спине; он знал, что ему придется сбросить своего нападающего, если он хочет жить.

Его тело действовало в бездумном инстинкте, собрав мускулы, как будто он собирался наброситься. Внезапно он резко поднялся с земли, изогнувшись и выгнув спину. Он будет путать и дезориентировать - создать неопределенность.

В этой неопределенности он ударил. Они были вооружены, а он не был. Будет только один шанс. Он не мог потерпеть неудачу.

Кружась в одно мгновение, он приземлился на четвереньки, готовясь вперед. Внезапно вспыхнув, он бросился с когтями. Когда его тело полетело вперед, ноги едва покинули землю, его энтузиазм внезапно остановился, когда его лицо ударилось о стену в воздухе. Фиолетовое мерцание вспыхнул перед его глазами, когда он врезался мордой в странный свет. Он зарычал. Он не знал, что это. Он дважды ударил его когтями, вылетели красные искры и осыпались в воздух, но стена всего лишь мигнула на мгновение.

Его уверенность пошатнулась, когда он узнал безумие, составляющее барьер.

Затем он услышал голоса, голоса многих мёртвых, которые он держал внутри себя. Махджи, они прошептали ему в хоре мертвых. Магия. Он видел фиолетовый перед его глазами, видел огонь, потрескивающий своей силой. Буря и лезвие, изготовленные из его воли, видели армии людей и зверей, которые рушились в пыль.

Он сильный, прошептали они. Сильнее. Он услышал это, вызов в их словах. Он был сильнее его. Он не мог сломать его. Пока он не раскроется, ему придется подождать. Мертвые считали его слишком слабым. Он прошипел в оцепенении, волосы на шее встали дыбом. Это были его земли, и он был сильным. Сидя на корточках с изгибающимися когтями, он искал своего нападавшего всюду по пещере. В глубине души он знал, что это не важно, кто бросил ему вызов. Он все равно убьет его.

Тусклый свет от земли сиял на фигуре рядом с углом. Это была она, рожденная от земли, как и он. Та, которую он спас.

Та, кто была обязана ему жизнью. Он зарычал, отвращение и гнев кипятили его кровь. Он знал, что должен был оставить ее умереть.

Ее профиль был худой, два ложных клыка в руке. Он узнал их, те зубы блестящего металла, которые использовали люди - кинжалы, они называли их. Красные волосы блестели, оборванно обрезанные, чтобы не падать на ее бледное лицо. Облегающая черная куртка с многочисленными карманами, покрытыми потом и кровью, покрывала ее грудь, а также еще больше ремней с ножами и, что хуже, покрывали ее ноги. Ремень бежал по ее бедрам, обвязанный ножами и другими вещами, которые он не знал. У нее была сумка, которую она оставила на земле, изнутри появился чужой запах.

Все это он видел, но он не заметил. Все, что он действительно видел, это черные завитки, пробегающие по ее лицу. Они были меткой земли на ней, как и он. Они были такими же. Это было слово, он знал. Он говорил это раньше, на этом странном языке человека.

«Сестра», - выпалил он отвращением.

Он увидел вспышку удара по ее лицу. Но это не смутило ее надолго; она тоже была бойцом. Ее рука упала на бедра, вытащив колбу с фиолетовой жидкостью. Она вылила содержимое в линию перед ней, и пар выплыл из того места, где оно касалось камня. Она пробормотала заклинание, воздух потрескивал, и из земли вырвался шипящий фиолетовый пар. Затем она встала на колени, губы двигались, когда из ее пальцев заплясали ленточки фиолетового цвета.

И она скрылась за ее безумием. Магии, прошептали мертвые, и он бесшумно заметался. Как долго она будет сидеть? Как долго она будет дрожать за своей жалкой защитой, не желая встретить его клыки и когти?

«Демон, - огрызнулась она, - ты умрешь сегодня». Вытащив из своей сумки два фиолетовых кристалла, она разбила их о землю в мелкий порошок, образующий цветную пыль. «Заставил меня использовать это», - усмехнулась она. «Надеюсь, ты стоишь того». Глаза закрылись, она начала повторять заклинание. Порошок мерцал, извиваясь в воздухе, пульсируя каденцией ее слов. Он мог чувствовать ее силу, растущую, заполняющую пещеру. Это было неестественно, не земля. Это не то, что прошептала ему земля. Это была насмешка. Она насмехалась над ним.

Он зарычал, его инстинкты говорили ему сражаться. Это была его пещера, его земля, и ему бросали вызов. Он продемонстрировал бы этой дуре цену ее высокомерия. Кровь наполняла его глаза, ярость срывала его голову. Его кровь бурлила, его сердце билось, его мышцы напрягались. Невесомая эйфория наполнила его тело, и он перестал думать, только чувствуя. Он любил это чувство перед боем. Это было чисто, это было правильно. Не важно, кто был до него, а не когда они были здесь. Они были на его земле. Его логово. Он убьет их. Вырвет их конечности из их тела. Съест их конечности перед ними. Вырвет глаза. Накормит их углями. Выпьет их кровь. Он научит их боли. Он сделает им больно, преподаст им урок. Они не выживут.

Он услышал, как ее воспевание поднялось до кульминации, и, без предупреждения, внезапный блестящий конус пламени сжег его видение. Он выстрелил в пещеру, как пожирающий зверь, и, прежде чем он успел пошевелиться, он оказался в своей пасти. Страх пронзил его, инстинктивно и безошибочно. В рефлексе он поднял руки, чтобы защитить свое лицо, чувствуя, как огонь горит на его плоти, и жара поглощает его кожу. Пламя облизывало его тело и ело его плоть. Он наклонился в инстинкте, на самом деле тяжесть вызываемого ада пронзила его голову. Казалось, что так быстро, как только это произошло, поток огня исчез, подбирая каменный черный цвет, где он прошел, и заполнил пещеру горячим паром.

Его предплечья были красными от крови, чешуйки треснули и почернели от жары. В раздражении он принялся отрывать бесполезные рваные чешуйки, чтобы показать обугленную плоть внизу. Тем не менее, маленькие языки пламени цеплялись за его кожу, и он безумно пытался сбить их со своего тела.

Медленно пламя стихло, пока не появились только кудри дыма, поднимающиеся от обугленной кожи. Ожоги на руках были самыми худшими, охваченными пожаром, который она вызывала. Несмотря на то, что огонь погас, кожа все еще была отвратительной черной, что, как он знал, было отвратительно. Ткань была мертвой и треснувшей, полной густой крови, которая стекала к его когтям. Падающие угли из прежнего пламени застряли в его мхе, когда падали.

Он не обратил внимания на золу, пока она не повторила еще раз, и они не разгорелись на его теле, жадно пожирая его шероховатые ноги. Угли, о которых он уже ничего не думал, теперь ослепили его видение жгучим теплом и светом.

Он не мог ничего сделать, лишь безумно махал руками, пока огонь распространялся, запах горелых волос и сожженной плоти заполнил пещеру. Он сражался и боролся, но его попытки погасить огонь были сорваны ее пением и магией. Его усилия были бесполезны; пламя утихло на мгновение, а потом вспыхнуло, сильнее и жарче, чем раньше. В то время как его верхняя часть тела сопротивлялась пламени, шея и ноги имели только мех и были покрыты голодным огнем. Боль была мучительной, его нервы иссякли, так как он ничего не мог сделать, кроме как махать когтями в воздухе. Когда огонь окружил его тело, он бросил вперед бессмысленную ярость, только чтобы потерпеть крах против магии, которая сопротивлялась его гневу.

Он поразил магию гневом когтями и клыками, но все равно она не уступила. Огонь вызвал изнутри первобытный ужас, инстинктивный страх. В безумии он перешел на совершенно дикую природу, а его тело охватило бессмысленное движение, когда он купался в потрескивающем пламени. Он рвал свою плоть и разорвал свою кожу, вытаскивая свежую кровь, которая высыхала и трескалась, когда касалась пламени. Этот прожорливый огонь съел его плоть, неустанно прилипая к его коже, несмотря на его попытки победить. Его глаза были закрыты жаром; его уши сгорели. Его кожа начала шелушиться, растрескиваясь, когда она разваливалась.

Он умирал.

Одна мысль заставляла страх проникать в его жилы гораздо сильнее, чем любой яд. Его сердце сжалось, и его легкие не могли дышать, его тело задыхалось от воздуха, который отказался войти в его выжженный рот. Его движение становилось все более слабым и неустойчивым, когда он катался по земле, беспомощно сбивая пламя, пока, наконец, не остановился. Как будто издеваясь, огонь медленно стекал и тух вместе с ним, ее пение, которое кормило его, теперь медленно заканчивалось.

Ее пение закончилось. Он услышал ее голос, слабый и жесткий. «Извини, я пока не могу тебя любить. Не страдай сильно». Она истерически хихикнула, и смех безумно разнесся по пещере. «Разве я должна тебя поцеловать?»

Дым и пар шли от его тела, из-под плоти искрились горячие угли. Его дыхание прекратилось, изломив сердце у него в груди.

Ты хочешь умереть?

Эти голоса снова издевались над ним. Он знал, что они мертвые. Мертвые, которых он спас.

Ты слаб?

Он мог бы шипеть, если бы мог. Голоса насмехались над ним. Он знал, что ему нужна сила, если он хочет жить.

Ты хочешь силу?

Его угасающий ум был заполнен путаницей. Конечно, он хотел силу. Конечно, он хотел жить.

В тебе сила, отрок Андахиля. В твоей крови есть сила.

Внезапная надежда укоренилась в его сердце, цветущий бутон, который расцвел среди пепла.

Они увидели, как ты дрогнешь, увидели, как ты горишь. Мы увидим, как ты встанешь, увидим, что ты стоишь. Отодвинь боль, отпрыск. Оттолкнись от лжи. Вдохни, отпрыгни. Вдохни и живи.

Живи и стой. Стой и сражайся.

Их слова были сладким ядом в ушах, ошеломляющим токсином, который поселился в его жилах и позволил ему взглянуть мимо палящей агонии. Боль, питающаяся собой в ужасном цикле, заставляя его сердце реветь в ушах, и его ярость отталкивает все остальные мысли. Сила в твоей крови, мертвые сказали, и он знал, что это правда. Он отмахнулся от мысли и утопил свой разум в густой дымке. Безумие, которое овладело им, не было безымянным безумием. Это был кровавый гнев, безумие берсерка.

Это была битва, которая смывала боль и торможение, что давало проклятым людям силу убить двадцать человек за один раз. Это была сладкая сила, камень, который тянул в реку мучений. Он поймал ее, поймал пронзительную силу. Эта струйка переросла в ручей, выросла до потока, который утопил его в его бурных порогах. Он утонул в своей власти.

Ты не можешь умереть здесь, дитя. Есть месть, которую ты должен погасить, долг крови, который ты должен собрать.

Он умирал, и ему было все равно. Он хотел убить ее. Он нуждался в ней, чтобы умереть. В тот момент он забыл. Забыл, что она его сестра. Забыл смерть, которую он отгонял, чтобы спасти ее. Все, что он знал, это унижение, которое он испытал. Все, что он знал, это боль и страх, которые он чувствовал. Все, что он знал, это холодная смерть, которую он почувствовал. Он все еще чувствовал. Он заставит ее почувствовать то же самое.

Теперь его сердце мчалось, кровь прилила к голове. Он завыл в ярости от жажды крови и исступления, прежде чем прыгнуть вперед. Еще раз он ударил по этой непреклонной стене магии. Он не знал, как она это сделала. Он не заботился; он хотел вонзить свои клыки в ее сердце, и поэтому он сломал ее. Разбей ее на куски. Он заставил бы ее страдать, заплатить за эту агонию. Он раздавит ее когтями. Это будет порочным, быстрым и кровавым.

Мертвые зашипели в ожидании, звук, похожий на мерзлую агонию. Это ее пламя пирует на твоей плоти. Мы можем утопить ее своим духом для тебя, дитя. Наша смерть для твоей жизни. С твоей волей мы можем стереть ее.

Когда мысль едва мелькнула в его голове, он внезапно поспешил, когда белые ладони ползли по его руке. Они крутились вокруг его тела, облекая его в ослепительный кокон. Дым шипел на языке змей, сжигая все, где он касался. Через мгновение ленточки открыли поврежденное тело без следа пламени. Нет искры. Никаких углей. Он увидел, что она смотрит в недоумении, в замешательстве. Он с уверенностью наполнил его гордостью.

Теперь убей ее, дитя. Попробуй ее кровь на своем языке.

Когда мертвые снова заговорили, их голоса были тише. Он не заметил. Мысль о крови наполнила его волнением. Черные когти сгибались, губы открыли зубы, когда он зарычал, он врезался в стену. Она дрогнула, возможно, от боли, когда из ее рта потекла кровь. С рычанием он снова бросился вперед, врезаясь в магию. Его плечо вывихнулось, но ему было все равно. Он снова ударил в стену, выбивая ее весом своего тела. Тем не менее она стояла, неуступчивая, несмотря на его ярость.

Проклятая вещь не сломалась.

Снова и снова он врезался в заклинание. Снова и снова он прислонялся к стене, пока боль не заполнила его разум и не стала всем, что он мог чувствовать. Его обугленная плоть была потрескавшейся и кровоточащей, давно разрушенной огнем. Теперь он тяжело дышал, кровь

текла из многочисленных ран на его руках и плечах, но ему было все равно.

Он вскрикнул и рассердился, с непрекращающимся презрением и собственной неспособностью. Почему он не мог сломать эту магию? У него хватило сил, чтобы разбить хватку смерти, так почему он не смог сломать эту магию? Это были его земли, он командовал. Он был самым сильным здесь, и она была слаба. Ее кости были хрупкими, ее кожа была пылью, ее сердце было хрупким, так почему он не мог нарушить эту магию?

Постоянная боль и его собственное отчаянное разочарование заставляли его когти безумно царапать в ярости, пока что-то внутри него не сломалось. Его гнев крови приводил его в бешенство, он колотил стену плечами, сгребал ее когтями. Его сердцебиение было похоже на барабаны в голове, каждый из которых нес боль вглубь его черепа. Тупая боль заполнила его разум, усиливаясь, сужая его видение. Больно.

Ревя в гневе и агонии, нагнетая адреналин, он изо всех сил врезался в стену, которую она вызвала. Он врезался в неотложность и гнев, которые наполняли все слои его существа, и он соответствовал его требованиям.

Стена разрушилась, и она упала на колени, кашляя кровью. Фиолетовая кровь, потрескивающая от безумия. Трещина с магией.

Он это сделал. Он видел, как ее череп разбился перед ним, ее глаза капали сквозь его когти. Ярость крови подтолкнула его к этому зверскому пункту.

Он без колебаний двинулся вперед, восторженность и уверенность наполняли его, когда он сгибал когти в ожидании. Она что-то повторяла перед собой, ее тело покачивалось, он не обращал внимания. В последние несколько мгновений он вспомнил жидкость, которую она налила перед собой, глянул вниз, чтобы увидеть этот темный камень перед ним, когда ее пение достигло пика интенсивности.

Внезапно раздался треск, и пещера наполнилась жаром, а перед ним вспыхнул еще один фиолетовый барьер. Его глаза смотрели, не веря, его череп ударился об эту покрытую сеткой трещин поверхность.

Трещин на другой проклятой стене.

http://tl.rulate.ru/book/8591/164738